PG 2505
.M45
1810

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

Class PG 2505
Book .I3

YUDIN COLLECTION

Mekhanizm, ili Stoposlozhenie rossiiskogo stikhotvorstva.

МЕХАНИЗМЪ,

или

СТОПОСЛОЖЕНІЕ РОССІЙСКАГО

СТИХОТВОРСТВА,

изданный

для воспитанниковъ Санктпетербургской Губернской Гимназіи.

Блаженъ, кто съ Музами въ согласіи живетъ,
Кто любитъ пѣсни ихъ, приемлетъ ихъ совѣтъ!
Хотя онъ щастія въ сей жизни не находитъ,
Но вѣкъ спокойно свой межъ Музами проводитъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатано въ типографіи Ф. Дрехслера
1810 года.

PG2505
.M45
1810

Съ дозволенія Санктпетербургскаго Цензурнаго Комитета.

104837
07

88-167064
07-27-88
EPGL

Механизмъ,
или
Стопосложеніе Россійскаго
СТИХОТВОРСТВА.

Механическія правила стихотворства, относящіяся ко внѣшнему виду стиховъ, долготы и краткости слоговъ называются *Стопосложеніемъ*. Но правила, научающія не только названію стопъ, составленію, расположенію, или надлежащему размѣщенію оныхъ; но и руководствующія къ познанію свойства различныхъ стиховъ, составляютъ уже часть Поэзіи, или искуства внутреннихъ чувствованій, о коемъ разсуждаемо будетъ во свое время и на своемъ мѣстѣ. Теперь же мы скажемъ только о внѣшнемъ видѣ, (формѣ) или механизмѣ сего изящнаго искуства, которой не смотря

Ч. III. 27

на то, что составляетъ послѣднюю, или маловажную часть стихотворства, займетъ въ нашемъ курсѣ словесности первое мѣсто. Нѣтъ сомнѣнія, что безъ другихъ частей и существенныхъ принадлежностей творчества онъ безполезенъ: однако даже и самые лучшіе стихотворцы не должны пренебрегать имъ. Ибо удовольствіе, происходящее изъ сего механическаго искуства весьма много способствуетъ разнообразію, пріятности, быстротѣ, дѣйствію, силѣ и существеннымъ красотомъ стихотворенія. —

Долгота и краткость стиховъ опредѣлается количествомъ *столѣ*; а стопы—количествомъ *слоговъ*. Количество слоговъ производитъ различныя стопы, кои, по крайнѣй мѣрѣ, въ новѣйшихъ языкахъ вмѣщаютъ въ себѣ не болѣе *двухъ*, или *трехъ* слоговъ.

Двусложныя стопы: Ямбъ, (∪ —); Хорей, или Трохей (— ∪); Пиррихій (∪∪) Спондей (— —).

Трехсложныя: Дактиль (— ᴗᴗ), Анапестъ (ᴗᴗ —), Амфибрахій (ᴗ — ᴗ), Амфимакрій (— ᴗ —), Бахій (ᴗ — —), Антибахій (— — ᴗ), Трирахій (ᴗ ᴗ ᴗ), и Молоссъ (— — —).

Всѣ сіи различныя стопы въ употребленіи были у стихотворецъ различныхъ вѣковъ и народовъ. Въ нашемъ же языкѣ только первыя шесть стопъ извѣстны.

Стихи, въ коихъ бываютъ только однородныя стопы, обыкновенно получаютъ и названіе свое отъ стопъ, а посему бываютъ, *Ямбическіе*, *Хореическіе*, *Дактилическіе* и проч. Также въ Ямбическіе стихи, по примѣру древнихъ можно вмѣшивать другія стопы, напр. Анапестъ; а въ Хореическіе Дактиль, въ коихъ также принимается въ разсужденіе отдѣленіе, или размѣръ стопъ: Отъ таковаго смѣшенія стопъ и стихи называются: *Анапестоямбическими*, и *Дактило-хореическими*.

О различныхъ стопахъ.

I. *Ямбъ* (jambus) состоитъ *изъ двухъ слоговъ*, изъ перваго слога *короткаго* а втораго *долгаго* (∪ —).

Примѣч. Слово Ямбъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ получило свое названіе отъ Ямба, сына Панова, которой будто бы изобрѣлъ сію стопу; и именно потому называютъ его изобрѣтателемъ оной, что онъ кромѣ сильно выразительныхъ словъ, не употреблялъ ни какихъ въ присудствіи Цереры, оскорбленной похищеніемъ Прозерпины. Другіе производятъ сію стопу отъ греческаго слова ἴος ядъ, или отъ глагола *jambiso*, злословлю. Ибо стихи, состоящіе изъ Ямбовъ сперва употреблялись только въ Сатирахъ. Сагласно съ симъ думаетъ и Горацій, но онъ говоритъ притомъ, что стопа сія изобрѣтена Архилохомъ:

Archilochum proprio rabies armavit jambo:

т. е. На непріятелей какъ Архилохъ озлился,
То Ямбомъ первый онъ на нихъ вооружился.

И такъ послѣднее мнѣніе вѣроятнѣе.

II. *Хорей* или *Трохей* противоположенъ Ямбу; онъ также состоитъ *изъ двухъ слоговъ*: но изъ перваго *долгаго* а втораго *короткаго* (— ∪).

Ямбъ съ каждою стопою, какъ будто бы восходитъ; а Хорей опускается, или нисходитъ.

Примѣч. Греки и Римляне стопу сію называли χορεῖα, chorea, что значитъ *пляска*, танецъ; потому что стопа сія великое имѣла употребленіе въ плясовыхъ пѣсняхъ.

III. *Анапестъ* состоитъ *изъ трехъ слоговъ*: изъ первыхъ двухъ *короткихъ* и послѣдняго *долгаго* (∪∪ —).

Примѣч. Названіе сей стопы происходитъ отъ Греческаго слова ἀναπαίω, что значитъ *назади ударяю*. Стопа сія такъ названа потому, что танцующій по паденію сей стопы, долженъ ударять ногою въ землю на послѣднемъ слогѣ сильнѣе двухъ первыхъ.

IV. *Дактиль* - противоположенъ *Анапесту*. Онъ состоитъ *изъ трехъ слоговъ*: изъ перваго долгаго и послѣднихъ двухъ *короткихъ* (— ∪ ∪).

Примѣч. Названіе сей стопы, какъ говорятъ, происходитъ отъ Греческаго слова δάκτιλος, палецъ; потому что пальцы раздѣляются на три состава, изъ коихъ первой долгой, а послѣдніе два короткіе, и сіе мнѣніе, кажется, правдоподобнымъ.

Есть у насъ еще двѣ стопы, кои вмѣщаются, такъ сказать, въ двухъ послѣднихъ, т. е. въ Анапестѣ и Дактилѣ и именно:

V. *Пиррихій*, состоящій *изъ двухъ короткихъ слоговъ* (∪ ∪), и

VI. *Спондей, изъ двухъ долгихъ* (——).

Поелику каждая стопа въ Россійскомъ стихосложеніи должна имѣть удареніе, то Пиррихій по сему самому не можетъ назваться стопою, и естьли называется оною, то въ просодиче-

скомъ только смыслѣ. Ибо въ нашемъ языкѣ, каждое, даже самое многосложное слово имѣетъ одно только удареніе,

на пр. *возвратиться*, *возвеселиться*.

Здѣсь всѣ при первые слога въ послѣднемъ словѣ короткіе, а слѣдовательно Пиррихій имѣетъ въ нихъ мѣсто. Пиррихій приноситъ намъ не малую выгоду тѣмъ, что въ стихѣ безъ всякаго не удобства и сопротивленія можетъ лишиться своего собственнаго имени, и тѣмъ вспомоществовать то, *Ямбу*, то *Хорею* на пр:

— ◡ — ◡ — ◡ —
Возвратися наша мать! (ЕКАТЕРИНА).
Возвратишся — и отраду
Принесешь Петрову Граду,
И Твоимъ чертогамъ свѣтъ.
Простирая дѣтски руки,
Ждутъ тебя младые Внуки,
Сынъ тебя съ Супругой ждетъ.

или:

◡ — ◡ — ◡ — ◡ — ◡ — ◡ —
Но можетъ быть, увы! *не возвратится* болѣ,
Кто всѣхъ страшнѣе былъ врагу на ратномъ полѣ.

Здѣсь въ словѣ, *возвратится*, видимъ мы, какую покорность оказываетъ *Пиррихій* при встрѣчѣ совсѣмъ противныхъ стопъ, т. е. *Хорея и Ямба*.

Слондей, какъ кажется, въ Россійскомъ стихотворствѣ самъ по себѣ совсѣмъ не имѣетъ мѣста; ибо у насъ нѣтъ такихъ стиховъ, коихъ бы стопы заключали въ себѣ по два ударенія; равно и въ просодіи, или въ обыкновенной прозѣ, нѣтъ ни одного слова, которое бы имѣло два слога долгіе. Правда, что всякое односложное слово есть долгое, и хотя можно составить стихъ изъ сихъ односложныхъ; но что изъ сего выдетъ, посмотримъ:

— — — — — — — —

Богъ есть и былъ со мной во вѣкъ.

Таковымъ согласіемъ не оскорбится ли слухъ нашъ, естьли мы напишемъ нѣсколько такихъ стиховъ?

Для угожденія уху, при наборѣ и составленіи стиховъ должно стараться, чтобы конечные слоги слова, изъ одной

стопы переходили въ другую, какъ въ слѣдующемъ стихѣ:

⏑ — ⏑ — ⏑ — ⏑ — ⏑ — ⏑ — ⏑ —

Въ печали, въ горести возникли дни мои,
Въ печали въ горести имъ должно и скончаться!

И такъ Пиррихій и Спондей болѣе свойственны были языкамъ древнихъ.

Греки, коихъ ухо было чувствительно и нѣжно въ разсужденіи ударенія стопъ, тщательно старались о выборѣ оныхъ; ихъ Эпическія поэмы составлялись изъ двухъ родовъ стопъ, изъ Спондеевъ и Дактилей. Сіи двѣ стопы вмѣщая въ себѣ одиноковое пространство времени, шествуютъ не одинаковымъ шагомъ, не съ одинаковою скоростію. Спондей идетъ твердымъ и ровнымъ шагомъ, не качаясь: Но Дактиль, такъ сказать, прыгаетъ, скачетъ.

Но стихъ, подобящійся тяжелому молоту Циклопа, упадающему на наковальну, и стихъ бѣгущій, какъ рѣзвый и быстрый конь, произносится въ

одинаковое продолженіе времени. И такъ сіи два рода стопъ употребляли древніе, смотря по свойству предметовъ, ими описываемыхъ, или сообразуясь съ законами сладкозвучія. Мы должны въ семъ подражать и слѣдовать симъ великимъ нашимъ учителямъ. Не хорошо сдѣлалъ бы тотъ, кто бы *медленныя* дѣйствія природы, сталъ описывать *Дактилями*; а скорыя *Спондеями*. Но наши стихотворцы великіе знатоки въ семъ искуствѣ. Они самымъ паденіемъ стопъ, стиховъ и словъ, даже литеръ умѣютъ выражать свойство вещей, ими описываемыхъ. напр: *ладенїемъ столы Дактиля*:

— ◡ ◡ — ◡ ◡ — — ◡

Радостно, весело въ день сей
Вмѣстѣ сбирайтеся други!
Бросьте свои недосуги,
Скачите, пляшите смѣлѣй:
Бейте въ ладоши руками,
Щолкайте громко перстами,
Черны глаза поводите,
Станомъ вы всѣмъ говорите;
Фертомъ бѣлы руки въ боки,
Дѣлайте легкіе скоки,

Чоботъ о чоботъ стучите,
Съ наступью смѣлой свищите,
Молвьте спасибо, душею
Мужу тому, что снисходитъ
Лаской, любовью своею,
Всѣмъ намъ веселье находитъ.
Здравствуй же, Музъ днесь любитель!
Здравствуй ихъ всѣхъ покровитель!

Не слышимъ ли въ сихъ стихахъ той скорости, которая примѣчается въ движеніяхъ, танцующихъ рускія пѣсни.

Паденіемъ литеръ и столъ:

Тамъ только вѣтровъ *свистъ*, *лѣсовъ листы шелтали*,
Шумъ бьющихъ къ камни волнъ, *со скалъ потоковъ ревъ*,
И изрѣдка вдали *рыгающій* левъ
Молчанье прерывали.

Но такъ какъ нашему языку свойственнѣе Ямбъ и Хорей, то по паденію и расположенію словъ, первой способенъ болѣе къ описанію предметовъ *высокихъ*, а послѣдній къ выраженію *нѣжныхъ*, горестныхъ и тихихъ нашихъ чувство-

ваній. Посемуто всѣ Поэмы, Трагедіи и большая часть Одъ, писаны Ямбами; а многія пѣсни и другія мѣлочныя стихотворенія — Хореями. на пр:

ИЗОБРАЖЕНІЕ Творческой силы.

Ты дхнешь — дубовъ столѣтній лѣсъ
Косматымъ корнемъ вверьхъ ложится;
Взгремишь — и каменный утесъ.
Дрожитъ — трещитъ — падетъ, — крушится;
Блеснешь — и утлый сей хребетъ
Въ своемъ мешальномъ основаньи
Растопится, — сгоритъ; и нѣтъ!
Какъ воскъ отъ ярости огней,
Какъ въ тверди облако дебело
Проникнутое отъ лучей,
Иль какъ отъ зноя снѣгъ блестящій
На тѣмѣ сей горы лежащій.
Но что я рекъ? — восхощетъ Богъ;
На ломной оси міръ шатнется. и проч.

или

Сошла октябрска ночь на землю,
На лоно мрачной тишины;
Ни гдѣ я ни чего не внемлю,
Кромѣ ревущія волны,
О камни съ высоты дробимой
И снѣжною горою зримой.

Пустыня, взоръ насупя свой;
Утесы и скалы — дремали;
Волнистой облака грядой
Тихонько мимо пробѣгали,
Изъ коихъ трепетна, блѣдна,
Проглядывала внизъ луна. и проч. Держ.

или.

Монархи на земли, вѣнчанные Владыки
Быть должны чтимы такъ,какъ Божескіе лики,
Какъ тѣлу безъ главы нельзя существовать;
Народамъ такъ безъ нихъ не можно пребывать.

Херасковъ.

или.

Мнѣ всякая волна быть кажется гора,
Что съ ревомъ падаетъ обрушась на Петра.

Изъ всѣхъ примѣровъ видно, что выраженіе Ямба столь же важно, какъ всѣ сіи, нами приведенные стихи. Впрочемъ надобно замѣтить, что въ нашемъ языкѣ стихи Ямбическіе заимствуютъ свое достоинство не столько отъ сей стопы, сколько отъ силы и выразительности нашего, болѣе другихъ стихотворнаго языка. Онъ столько богатъ, разнообразенъ и таинственъ въ своихъ оборотахъ; сколь великолѣпна, разнообразна и непоспижима при-

рода. Самому посредственному Поэту на нашемъ языкѣ, кажется, не трудно стихотворствовать. Ибо онъ имѣетъ удивительную способность самымъ звукомъ литеръ и расположеніемъ словъ означать свойства вещей, имъ описываемыхъ. Естьли бурный вѣтръ свиститъ, то кажется слышенъ свистъ въ стихахъ, напр:

сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь градъ блистая,
И гласомъ громы прерывая . . . .

или

Твой духъ *взываетъ всеборющій*
Въ сихъ — сихъ свистящихъ вихрей, *сплахъ*
Сражающихся между горъ. Бобр.

Но нужно ли доказывать богатство и достоинство стихотворнаго нашего языка? Самые примѣры, кои мы привели и приведемъ еще въ послѣдствіи, подтвердятъ нами сказанное. Нашъ языкъ способенъ выразить все: шумъ волнъ, удары грома, мысли всякаго рода, высокія, благородныя, величественныя, веселыя, ужасныя, нѣжныя. Какъ сіе увидимъ ниже.

О СОСТАВЛЕНІИ СТИХА.

Изъ двусложныхъ и троесложныхъ стопъ составляется стихъ, который по числу стопъ бываетъ: а) *Одностопный*, б) *двустопный*, в) *трестопный*, г) *четырестопный*, д) *пятистопный* и е) *шестистопный*; менѣе же односторонныхъ, и болѣе шестистопныхъ у насъ стиховъ не бываетъ. Стихъ по мѣстоударенію называется: *Мужескимъ* и *Женскимъ* и во всякомъ родѣ стиховъ, имѣетъ свою мѣру стопъ и слоговъ.

Мужескій стихъ, имѣетъ удареніе на послѣднемъ слогѣ, *Женскій* на предпослѣднемъ, на пр:

Для родостей престалъ я жить; *муж.*
Семь лѣтъ я съ щастіемъ простился. *жен.*
Увы! кто съ другомъ разлучился,
Того что можетъ веселить?

Правила, для составленія стиховъ Ямбическихъ и ихъ примѣры.

Стихи Ямбическіе бываютъ всѣхъ родовъ:

а) Одностоп: ⏑—, муж.
⏑—⏑, жен.

б) Двустопн: ⏑—⏑—, муж.
⏑—⏑—⏑, жен.

в) Трестопн: ⏑—⏑—⏑—,
⏑—⏑—⏑—⏑,

г) Четыресп: ⏑—⏑—⏑—⏑—,
⏑—⏑—⏑—⏑—⏑,

д)Пятистоп: ⏑—⏑—⏑—⏑—⏑—,
⏑—⏑—⏑—⏑—⏑—⏑,

е) Шестисп: ⏑—⏑—⏑—⏑—⏑—⏑—,
⏑—⏑—⏑—⏑—⏑—⏑—⏑,

Мужескіе Ямбическіе всегда бываютъ *равны*; а женскіе имѣютъ полстопы, или одинъ слогъ *лишній* относительно къ названію стиховъ. Какъ сіе будетъ видно изъ примѣровъ, кои предложимъ по порядку.

Примѣры для *одностолныхъ, двустолныхъ, трестолныхъ, четырестолныхъ и лятистолныхъ.*

Одностопные

Потѣть *муж.*
Всечасно, *жен.*
Терпѣть
Напрасно,
Нѣтъ силъ.
Сей свѣтъ
Не милъ —
Прощайте!
И впредь не ожидайте! *трест. жен.*

Примѣръ однихъ мужескихъ одностоп:

Здѣсь лѣсъ,
Мы здѣсь,
Туда,
Сюда,
Чтобъ намъ,
Къ врагамъ
Не пасть
Бы въ пасть
Внимай,
смѣкай;
Блюдись
Крѣпись;
Терпи,
Не спи;
Богъ нашъ
Всѣхъ стражъ. Держ.

Двустоп: трестп: четырест: и проч.

Умирающій отецъ.

Жилъ былъ отецъ,
И были у него два сына:
Одинъ сынъ былъ уменъ, другой сынъ былъ глупецъ.
Отцова настаетъ кончина,
И видя свой конецъ

*

Отецъ
Тревожится, скучаетъ,
Что сына умнаго на свѣтѣ покидаетъ.
И говоритъ ему: ахъ! сынъ любезной мой.
Съ какой
Тоской
Я разстаюсь съ тобой,
Что умнымъ я тебя на свѣтѣ покидаю
И какъ ты проживешь, не знаю.
Послушай, продолжалъ: тебя я одного
Наслѣдникомъ всего
Имѣнья оставлю,
А брата твоего
Я отъ наслѣдства отрѣшаю;
Оно не нужно для него. и проч.

Надобно замѣтить, что таковой размѣръ по большой части встрѣчается въ басняхъ и другихъ мѣлкихъ стихотвореніяхъ, иногда и въ длинныхъ повѣстяхъ, писанныхъ вольными стихами на пр:

Херасковъ въ своихъ Пилигримахъ, Богдановичь въ Душинькѣ, Дмитріевъ и Хемницеръ въ своихъ басняхъ и сказкахъ, не наблюдаютъ одного размѣра стопъ, что весьма много способствуетъ перу ихъ. на пр:

Примѣръ однихъ трестопныхъ.

˘ — ˘ — ˘ —
Чье щастье по утру
˘ — ˘ — ˘ —
Какъ ясный день свѣтилось,
Помѣркло въ вечеру,
И съ солнцемъ закатилось.
Я розу въ полдень зрѣлъ,
И розой веселился,
Вдругъ вѣтеръ заревелъ,
Цвѣтокъ упалъ, сломился. . . .
Кто думалъ на войнѣ
Собрать вѣнцы лавровы,
Теперь въ чужей странѣ
Поверженъ во оковы. —
О! таинство судебъ!
Для насъ во мракѣ сущихъ! ! !

или

˘ — ˘ — ˘ — ˘
Уже со тьмою нощи.
˘ — ˘ — ˘ —
Простерлась тишина,
Выходитъ изъ за рощи.
Печальная луна.
Я томну лиру строю
Пѣть скорбь объявшу духъ.
Приди грустить со мною,
Луна, печальныхъ другъ! и проч.

или

Трестопные одни мужескіе

⏑ — ⏑ — ⏑ —
Венера здѣсь тайкомъ;
Венера за столбомъ!
Венера подъ платкомъ
Венера въ сарафанѣ!
Пришла сюда пѣшкомъ
Конечно съ пастушкомъ!

Стихи сіи всѣ *мужескіе*, и хотя кажутся слишкомъ единообразны для уха: однако весьма хорошо выражаютъ шопотъ народныхъ словъ.

Примѣры стиха 4-стопнаго Ямбическаго.

Симъ размѣромъ писаны у насъ всѣ лирическія оды: на миръ, на побѣды, всѣ Гимны, различныя поздравленія и и привѣдствія Государямъ, Вельможамъ и проч. напр:

НА ПОБѢДЫ ВЪ ИТАЛІИ.

⏑ — ⏑ — ⏑ — ⏑ — ⏑
Ударь во сребряный, священный, *муж.*
⏑ — ⏑ — ⏑ — ⏑ —
Далеко звонкій Валка! щитъ: *жен.*
Да громъ твой, эхомъ повторенный,
Въ жилищѣ Бордовъ возшумитъ;

Встаютъ — сто арфъ звучатъ струнами,
Предъ ними сто дубовъ горятъ,
Отъ чаши круговой зарями
Сѣдыя чела въ тьмѣ блестятъ.
Но кто тамъ бѣлыхъ волнъ туманомъ
Покрытъ по персямъ, по плечамъ?
Въ стальномъ доспѣхѣ свѣтитъ рдяномъ,
Подобно синя моря льдамъ?
Кто на копье склонясь главою,
Событье слушаетъ временъ?
Не тотъ ли древле что войною
Потрясъ Парижскимъ твердость стѣнъ?
и проч.

ИЛИ: — ОРЕЛЪ.

Носитель молній и грома
Всесильна Петрова дома!
Куда несешся съ высоты?
Принявъ перуны въ кохти мочны,
Куда паришь Орелъ полночный!
И на кого ихъ бросишь ты?

НА НОВЫЙ 1797 ГОДЪ.

Занесъ послѣдній шагъ — и въ вѣчность
Ступя, сокрылся прошлый годъ;
Пожрала мрачна не извѣстность
Его стремленье, быстрый ходъ. и проч.

ПѢСНЬ НА СТОЛѢТІЕ.

Глубока ночь! — а тамъ — надъ бездной
Уранія, — душа сихъ сферъ,,
Среди машины много — звѣздной
Даетъ вѣкамъ прямой размѣръ;
Бѣгутъ вѣковъ колеса съ шумомъ. и проч.

Бобровъ.

ПОЗДРАВЛЕНІЕ.

Не садъ ли вижу я священный
Въ Едемѣ Вышнимъ на сажденный,
Гдѣ Первый узаконенъ бракъ?
Въ Чертогъ Богиня въ славѣ входитъ,
Любезнѣйшихъ Супруговъ вводитъ,
Плѣняющихъ сердца и зракъ.
Въ одномъ Геройской духъ и сила
Цвѣтутъ уже во дняхъ младыхъ,
Въ другой природа истощила
Богатство всѣхъ красотъ своихъ.

Ода 5 Ломон.

ПРИВѢТСТВІЕ СОСѢДУ.

Пора сосѣдушка безпечной!
Пора за умъ принятся намъ;
Оставимъ городъ, другъ сердечной!
Въ немъ жить не нашимъ головамъ.
Приищимъ двѣ деревни рядомъ
Съ уютнымъ домикомъ и садомъ,
Какъ предки наши заживемъ.

Чужихъ обѣдовъ не попросимъ,
Кафтановъ шитыхъ не износимъ,
Мы рубль копѣйкой сбережемъ.
— — —— — — — — —
Раздравъ завѣсу заблужденья,
Взгляни, мой другъ, прямѣй на свѣтъ;
Вездѣ примѣтишь обольщенья,
Пріязни видъ, а дружбы нѣтъ.
Не мни, что гдѣ тебя ласкаютъ,
Тебя единственно желаютъ,
Ахъ, нѣтъ! — то звонъ пустыхъ лишь
словъ.
— — — — — — — —
Не въ жизни столько развлеченной
Лежитъ ко щастью смертнымъ путь.
О щастье! *нѣтленно* вселенной
Позволь хоть на себя взглянуть.
Хотя въ пріятномъ сновидѣньи
Яви ты намъ свои прельщеньи.
Когда твой день до насъ дойдетъ.
Тебя какъ тѣнь свою мы ловимъ,
Бѣжимъ, бѣжимъ — и не нагонимъ:
Надежда все сулитъ впередъ.
Меня въ мой вѣкъ судьбы качали
Какъ яликъ на морѣ волна;
То выше облакъ воздымали,
То мрачна вдругъ касался дна,
Упалъ — и пресмыкаюсь низко;
Но былъ и я отъ солнца близко;
Вездѣ встрѣчалъ я все одно.
Коль солнце чуть кого пригрѣетъ
Тотъ *рѣдко*, *рѣдко* разумѣетъ,
Что многимъ очень студено!

Забывшись недолго выписать и все. Не хочется растаться; отмѣнно хорошо написаны стихи сіи — какъ они просты, не принуждены и легки! Они прямо льются въ вашу душу; кажется, не трудно писать и слагать ихъ, но только для людей съ дарованіемъ.

Пятистопный Ямбическій.

⏑ — ⏑ — ⏑ — ⏑ — ⏑ — ⏑
На льдистый тронъ зима теперь возсѣла.
⏑ — ⏑ — — —
Всей твари на земли молчать велѣла.
О сколько строгъ для насъ сей приговоръ!
О сколь для всѣхъ не милъ Борея взоръ!

Надобно замѣтить, что сей родъ размѣра встрѣчается у весьма не многихъ стихотворцевъ, и то въ басняхъ и проч. что уже видѣли мы выше.

Въ стихахъ пятистопныхъ и шестистопныхъ Ямбическихъ; въ первыхъ, послѣ двухъ съ половиною, а иногда и послѣ трехъ; а въ послѣднихъ всегда по прошествіи трехъ стопъ бываетъ *пресѣченіе* (цезура): оно не есть красота, но не большое отдохновеніе, облегчающее путь достичь до конца сти-

ха; и такъ въ пятистопномъ стихѣ оно со всѣмъ почти не нужно; мы можемъ прочесть его безъ отдыха. Пресеченіе ни какого слова не должно раздѣлять на двое; въ шестистопныхъ стихахъ съ окончаніемъ трехъ стопъ и слово должно окончиться, а другое *лолустишїе* должно начинаться новымъ. *Шестистолные Ямбическїе* стихи самые *употребительнѣйшїе*; ими *пишутся всѣ лоэмы* а), трагедіи б) комедіи, посланія, письма, (Эпистолы) Элегіи, Идилліи, Эклоги, сказки, надписи, Сатиры и многія другія поучительныя, описательныя даже Лирическія стихотворенія, какъ сіе видно будетъ изъ примѣровъ:

а) Изъ Эпическихъ поэмъ знамѣнитыя: Омирова Иліада и Одиссея; Виргиліева Энеида, потерянный рай Мильтона, освобожденный Іерусалимъ Тассо, Мессіада клопштока, Ломоносова Петръ Великій, Россіада и Владиміръ Хераскова; въ комическомъ родѣ Энеида, вывороченная на изнанку Осипова, Елисей и игрокъ Майкова.

б) Трагедіи: Сумарокова, Княжнина, Озерова и Крюковскаго Пожарской. —

ПОЭМА.

∪— ∪ — ∪ — ∪—∪ — ∪ —
Пою отъ варваровъ Россію свобожденну,
∪— ∪ — ∪ — ∪—∪ — ∪ —
Попранну власть Татаръ и гордость униженну,
Движенье ратное, труды, кроваву брань,
Россій торжество, разрушенну Казань.
Отъ круга сихъ временъ спокойныхъ лѣтъ начало,
Какъ свѣтлая заря въ Россіи возсіяло.
О ты, лѣтающій превыше свѣтлыхъ звѣздъ,
Стихотворенья духъ! приди отъ горнихъ мѣстъ,
На слабое мое и темное творенье
Пролей твои лучи, искуство, озоренье!
Отверзи вѣчность! мнѣ селеній тѣхъ врата,
Гдѣ вся отвержена земная суета;
Гдѣ души праведныхъ награду обрѣтаютъ,
Гдѣ гордости похвалъ льстецы не сплетаютъ. и проч.

ТРАГЕДІЯ.

ЭДИПЪ.

Такъ, для преступнаго и слабаго слѣпца,
Не всѣ закрылися ко жалости сердца.
Изъ края долго въ край влачивъ мое изгнанье;
Уже ли наконецъ нашелъ я состраданье?
Но ахъ, Тезей! всегда злощастіемъ ведомъ,
Себѣ убѣжищемъ твой не приемлю домъ,

Мнѣ бѣдствія, увы! сопутствуютъ премноги:
Съ собою ихъ могу привесть въ твои чертоги.
Пещера мрачная одна прилична мнѣ;
Ее одну пришелъ искать въ твоей странѣ,
Ее одну въ горахъ искалъ я многи годы,
Но тщетно: отъ всѣхъ странъ возставшіе народы,
Звѣрей и хищныхъ птицъ не трогая покой,
Эдипа гнали съ горъ насильственной рукой;
Близь града твоего дозволь въ уединеньи
Сокрыть мою печаль, бѣды и преступленьи,
Дотолѣ, какъ земля намъ щедрая всѣмъ мать,
Благоволитъ меня въ истлѣніе принять!

Озеровъ.

КОМЕДІЯ,

НЕСЛЫХАННОЕ ДИВО.

Кривосудовъ.

Тьфу пропасть! приступаетъ ужь близъ четырехъ лѣтъ!
Да о бездѣлицѣ какой всегда скучаетъ,
Какъ сумасшедшая и плачетъ, и рыдаетъ;
Великая бѣда, что мужъ у ней убитъ!
А мнѣ покою нѣтъ; ну, только и твердитъ:
„Что я — де — скажу живу совсѣмъ безъ пропитанья;
„А дѣти бѣдныя живутъ безъ воспитанья:

„Услышь стѣнанія нещастнѣйшихъ сиротъ.„
„Дай руку помощи„ и землю всю деретъ;
А ты хоть тресни съ ней! ну нѣтъ вить той догадки
Процентецъ поднести; — вить это бы не взятки. и проч.

ПОСЛАНІЕ КЪ ЖЕНЩИНАМЪ.

О вы которыхъ мнѣ любезна благосклонность,
Любезнѣе всего; которымъ съ юныхъ лѣтъ,
Я въ жертву приносилъ, чего дорожѣ нѣтъ,
спокойствіе и *вольность*. и проч.

Карамзинъ.

Сумароковъ *пишетъ* робщущему на то, что мы имѣемъ мало книгъ на своемъ языкѣ:

Сердись, что мало книгъ у насъ, и дѣлай пени;
Когда книгъ Рускихъ нѣтъ, зе кемъ итти въ степени?
Однако больше ты сердися на себя,
Иль на отца, что онъ не выучилъ тебя;
А естьлибъ юность ты не прожилъ своевольно;
Ты бъ могъ въ писаніи искусенъ быть довольно.

Трудолюбивая пчела себѣ беретъ,
Отвсюду то, что ей потребно въ сладкой медъ
И лосѣщающа благоуханну розу,
Беретъ въ свои соты частицы и съ навозу.
Имѣемъ сверьхъ того духовныхъ много книгъ,
Кто виненъ въ томъ, что ты Псалтыри не постигъ!

Стихи наставительны; но не такъ гладки. Надобно замѣтить, что *многосложныя и односложныя* слова, какъ видно здѣсь, затрудняютъ теченіе стиха. Должно быть въ семъ осторожну и цѣлаго полустишія не составлять изъ одного слова, или цѣлаго стиха изъ одностопныхъ словъ.

ЭЛЕГІЯ.

Ты услаждавшая всегда мой томный духъ,
Сопутница моя, единственный мой другъ!
Съ тѣхъ поръ, какъ съ другомъ я души моей разстался;
О Арфа тихая! позволь, чтобы раздался
Унылый голосъ твой; печаль тоску мою,
Въ плачевныхъ звукахъ я изъ сердца излію.
Но тщетно слабою, трепещущей рукою
Въ ночномъ безмолвіи тебя, о Арфа! строю:
Ахъ! пѣсни дщери суть спокойныхъ лишь сердцъ. и проч.

Это переводъ а), но онъ не хуже подлинника, слезы и вздохи кого не трогаютъ? Наше сердце, будучи всегда имъ подвержено живѣйшее принимаетъ участіе во всѣхъ страданіяхъ, существъ намъ надобныхъ. Я не повѣрю, чтобы имѣющіе сердце не проливали слезъ вмѣстѣ съ Овидіемъ б) читая его *плачъ*. Вотъ его стихи:

Когда представлю я той нощи образъ лютой,
Что въ Римѣ мнѣ была послѣднею минутой;
Лишь вспомню то, что я оставилъ въ оный часъ
И нынѣ у меня ручьи текутъ изъ глазъ;
Насталъ тотъ день, какъ мнѣ отъ Кесарской десницы.
Предписано бѣжать за *Римскія* граиицы.
Ни времени къ пути, не мыслей не имѣвъ,
Безчувственъ долго я стоялъ окаменевъ.

а) Сію Элегію можно прочитать въ 1-й части *Лицея* Мартынова.

б) Плачь Овидія переведенъ на Руской языкъ шестистопными стихами Г. Срезневскимъ, и при многихъ недостаткахъ насъ трогаетъ. Самое посвященіе переводчика Г. Хераскову предуготовляетъ насъ къ слезамъ.

Жена меня въ слезахъ стократно обнимала,
И къ сердцу нѣжному въ послѣдній прижимала;
А дочь въ Ливійскій край отдалена была,
И рока моего узнать тамъ не могла! . .
На всякомъ мѣстѣ вопль и вздохи раздавались;
Съ умершимъ будто бы со мною всѣ прощались.
И старой и младой о мнѣ токъ слезный лилъ;
Стонъ, плачь въ дому моемъ во всякомъ мѣстѣ былъ. и проч.

Кто и никогда не разставался съ своимъ отечествомъ, друзьями и милыми предметами для сердца, и того растрогаютъ стихи сіи. Но кто самъ испыталъ сіе горестное чувствіе; тотъ прочитавъ ихъ, чувствительно будетъ тронутъ. Онъ въ полной мѣрѣ вообразитъ печальное зрѣлище Овидіевой разлуки съ Римомъ; представитъ стенанія самаго Овидія, супруги и друзей, и зальется горькими слезами. Слезы другихъ, а особливо женскія, заразительны для сердца.

ИДИЛЛІЯ РУЧЕЙ.

Ручей! одну судьбу имѣемъ мы съ тобой;
Къ предмету одному стремимся съ быстротой:
Ты ищешь моря, мы могилы.
Но ахъ! возможно ли намъ дни свои унылы
Сравнять съ теченіемъ твоимъ?
Свободенъ, живъ, неистощимъ,
Законовъ строгихъ чуждъ, ты чуждъ и преступленья;
Не зная тягостныхъ заботъ и огорченья,
Свободно слѣдуешь наклонности своей:
Избралъ стезю — бѣжишь, и не измѣнишь ей!
Есть старость для тебя: она тебѣ не горе;
Чѣмъ ближе твой конецъ, родительское море;
Тѣмъ ты полезнѣе для насъ;
Еще прекраснѣе для глазъ,
Чѣмъ въ скромныхъ берегахъ младенчества златова.
Съ минутой каждою, тебѣ забава нова:
Прелестной сей лѣсокъ,
Тобою оживленъ ростетъ и зеленѣетъ:
Онъ благодарнымъ быть умѣетъ;
Сплетяся вѣтвями, склонясь на твой потокъ,
Хранитъ его отъ бурь онъ дружескою тѣнью;
По свѣтлому песку, по травкѣ, по цвѣтамъ,
Ты катишся одинъ съ безпечной, сладкой лѣнью.
Подобясь золотымъ на небѣ облакамъ,
Во глубинѣ твоей прозрачной
Мелькаютъ рѣзвыхъ рыбъ игривыя стада;

Отъ нихъ не знаешь ты досады, скуки мрачной;
Ты кормишь ихъ, поишь безъ всякаго труда!
При щастіи такомъ къ чему твое роптанье?
Чего тебѣ желать? . . Умолкни же, ручей!
Пусть мы одни, пусть мы нещастное созданье
На небо плачемся объ участи своей.
и проч.

Кто не отдастъ должной справедливости Г. переводчику Г-жи Дезульеръ? Онъ оплилъ, или лучше, воскресилъ всѣ красоты подлинника мы находимъ въ стихахъ спхъ по щастливое паденіе и по тихое сладкозвучіе, которое плѣняетъ слухъ каждаго.

I. ЭКЛОГА ВИРГИЛІЕВА.

Пастухъ! такъ ты лежа подъ хладной букá тѣнью,
Поешь лишь сельскихъ музъ камышевой свирѣлью;
А мы оставя домъ и край любезный свой,
Бѣжимъ отъ родины; но ты снискавъ покой
О Амариллѣ лишь прекрасной помышляешь;
И имя милое лѣсъ вторить научаешь. и пр.

Перев. съ Лат.

*

СКАЗКА.

Ахъ! сколько я въ мой вѣкъ бумаги исписалъ!
Той пѣсню, той сонетъ, той льстивый мадригалъ;
А вы, о нѣжные мужья подъ сѣдиною!
Ни строчкой не были попотчиваны мною:
Простите въ томъ меня, я молодъ, вѣтренъ былъ. и проч.

НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ.

Прохожій! ты идешь, но ляжешь такъ, какъ я;
Постой и отдохни на камнѣ у меня;
Взгляни, что сдѣлалось со тварью горделивой!
Гдѣ дѣлся человѣкъ? — И прахъ поросъ крапивой!
Сорви жъ былиночку, воспомни о судьбѣ.
Я дома, ты въ гостяхъ, подумай о себѣ!

САТИРА.

Всѣмъ хочется писать, великъ, иль малъ ихъ даръ,
Повсюду авторства въ сердцахъ разлился жаръ;
Исполнить торопясь писательски желанья,
Всѣ въ *ежемѣсячны* пустилися изданья.
И наконецъ я зрю въ странѣ моей родной
Журналовъ тысячи, а книги — ни одной!

НАУКА О СТИХОТВОРСТВѢ

Буало.

О! тщетно на парнассъ взлетѣть тотъ авторъ мнитъ,
Кто слабые стихи и рифмы лишь кроитъ,
Небеснымъ Геніемъ чей духъ не упоенъ,
Кто подъ созвѣздіемъ поэта не рожденъ;
Умъ скудный часть его, но онъ и въ томъ не воленъ,
Пегасъ предъ нимъ упрямъ, Фебъ глухъ и непреклоненъ.

Перев. съ Француз.

НА НОВЫЙ 1807 ГОДЪ.

(Лирическій отрывокъ).

Се полночь! Тихо все, что жъ слухъ мой поражаетъ?
Безмолвіе и миръ, чей стонъ перерываетъ?
Иль вѣтеръ глухо такъ въ ущелинахъ свиститъ?
Нѣтъ, это колоколъ! какъ томно онъ звучитъ!
Смущаюсь я — ужель? Вдругъ дланію всемощной
Отверзлась дверь небесъ — и мглой обвитъ полночной
Идетъ туда молча годъ старый на клюкахъ;
Онъ ноги дряхлыя едва вознесъ на прагъ.

Дверь съ шумомъ хлопнула — чу! вторятся удары!
Такъ! сей полночный звонъ сопровождалъ годъ старый,
Воскликнулъ я. Но дверь опять отверзлась вдругъ,
Исторгнувшись оттоль спускается въ нашъ кругъ.
Сынъ вѣчности младый, годъ новый, незнакомый,
На юныхъ крыліяхъ зефирами несомый.
Надежды! . . Случаи! . . Но ахъ! се! рокъ за нимъ грядетъ,
Во мрачной урнѣ зло и щастіе несетъ!
Но что я трепещу! ужель рокъ покусится
На Россовъ зло излить? Иль слава та затмится,
Которая во всей подсолнечной гремитъ? . . и проч.

Приведши почти всѣхъ родовъ примѣры на шестистопные стихи Ямбическіе, приступимъ къ другому, гораздо менѣе употребительному роду стиховъ Хореическихъ. И мы начнемъ съ шестистопныхъ, кои всего рѣже встрѣчаются.

О СТИХѢ ХОРЕИЧЕСКОМЪ.

Шестистопный Хореическій стихъ раздѣляется, такъ какъ и Ямбическій, на два полустишія. Первое полусти-

шіе Хореическаго стиха мужескаго имѣетъ три стопы ровно; а второе полустишіе состоитъ изъ трехъ съ половиною; женскій Хореическій шестистопный стихъ имѣетъ въ первомъ полустишіи *три столы сѣ половиного*, а во второмъ *три ровно*.

Примѣръ мужескаго.

— ◡ — ◡ — ◡ — ◡ — ◡ —
Кто печали въ жизни и нещастья не
◡ —
встрѣчалъ;
— ◡ — ◡ — ◡ — ◡ — ◡ —
Тотъ цѣны веселья въ цѣлый вѣкъ свой не
◡ —
узналъ.

Примѣръ женскаго.

— ◡ — ◡ — ◡ — ◡ — ◡ — ◡
Міръ подобенъ колесу, какъ оно катится
Нижня спица идетъ въ верьхъ, верхняяжъ
низится.

Подобные симъ стихи можно только найпи въ сатирахъ Кантемира, у Тредьяковскаго, и въ нашихъ Рускихъ пѣсняхъ. Но въ нихъ никогда несоблюдается правилъ, на пр:

— ◡ — ◡ — ◡ — — ◡
Помнишь ли меня мой другъ въ дальной
— ◡ —
сторонѣ?
Или ты не думаешь радость обо мнѣ?
Я по тебѣ слезы здѣсь всякой часъ лила;
Или я въ глазахъ тебѣ только что мила?
Я въ слезахъ незнала здѣсь спокойна часа,
Стономъ всѣ наполнила долины, лѣса.
Мнѣ луга прекрасные казалися степь,
Подъ ногами травочка сплетала мнѣ цѣпь.
и проч.

Что можетъ быть простосердечнѣе, невиннѣе и чистѣе сего любовнаго изъясненія! Стихи сіи несравненны въ своемъ родѣ. Пусть всѣ искуственныя, сильныя, тонкія, витіеватыя выраженія соединятся въ одно; онѣ не выразятъ того, что выражаютъ простыя чувствованія сей доброй поселянки. Такъ силенъ голосъ природы!

Стихъ пятистопный Хореическій мужескій раздѣляется также на два полустишія, изъ коихъ въ первомъ находится три стопы ровно, а во второмъ двѣ и послѣ ихъ одинъ слогъ долгой. Женской въ первомъ полустишіи имѣетъ

двѣ стопы и слогъ долгой, а во второмъ три стопы ровно.

Примѣръ мужескаго.

— ∪ — ∪ — ∪ — ∪ — ∪ —
Роза превосходитъ цвѣтоносный родъ
И самый наливный разнородный плодъ.

Примѣръ женскаго.

Силы въ серебрѣ всякъ скупой не знаетъ;
Странно то, когда въ землю зарываетъ.

Прочитавъ сіи стихи, недумаю чтобъ кто нибудь спросилъ, по чему и нынѣ не пишутъ стиховъ симъ размѣромъ? Такое согласіе весьма скоро можетъ наскучить, не говорю, образованному, но и слуху каждаго.

Что жъ касается до стиховъ *Хорепческихъ четырестолныхъ*, то они весьма пріятны для слуха каждаго, и у нынѣшнихъ стихотворцевъ въ немаломъ употребленіи. Вотъ ихъ правила и примѣры:

Четырестопный Хореическій стихъ мужескій состоитъ изъ *трехъ столъ*

съ половиною, а женскій изъ *четырехъ столъ ровно*. на пр:

НА ОТСУТСТВІЕ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА.

— ◡ — ◡ — ◡ — ◡

Не бряцай печальна лира. *жен.*
Громкой пѣсни ты въ сей часъ, *муж.*
Благодѣтельница міра
Удалилася отъ насъ.
Музъ Богиня удалилась,
Изъ Петрополя сокрылась
Матерь отъ своихъ дѣтей,
Солнцу красному подобно,
Щастье, кажется, народно
Укатилося за Ней.

КАБИНЕТЪ ДОЛГОРУКОВА.

Вотъ мое уединенье;
Въ немъ все мило простотой,
Все приноситъ утѣшенье.
Здѣсь спокойною душей,
На прекрасную природу
Въ ясной день въ окно смотрю:
Вижу лѣсъ, луга и воду,
О! какъ все я здѣсь люблю! . .
Вотъ тотъ столъ, гдѣ я прилѣжно
Иногда съ перомъ сижу.
Изливая чувство нѣжно
На Купидо погляжу.

— — — — —

Вотъ диванъ, гдѣ я ночую,
Гдѣ люблю я размышлять,
И къ своей судьбѣ чужую
Безпрестанно примѣнять.

Ни отъ скуки, ни въ печали
На часы я не гляжу;
Хоть идутъ они, хоть стали,
Нужды въ нихъ не нахожу.
Для меня здѣсь дни не длятся;
Сплошь они бѣгутъ какъ мигъ;
Чѣмъ быстрѣй къ концу стремятся;
Тѣмъ сильнѣе жаль мнѣ ихъ.

Вы, большаго свѣта люди,
Коихъ вздоръ такъ веселитъ!
Ахъ! какъ часто въ ваши груди
Горести стрѣла летитъ!
Я же здѣсь (хвала вамъ Боги!)
Давъ разсудку полну власть,
Удалилъ страстей тревоги,
Кои насъ влекутъ въ напасть. и проч.

Сими стихами писаны многія оды, пѣсни, хоры и другія пріятныя, мѣлочныя стихотворенія. на пр.

ХОРЪ.

Ядры пусть летятъ ревучи,
Воютъ вѣтры, черны тучи,
Молньи блещутъ средь громовъ;
Смѣло идемъ на враговъ.

Мы пойдемъ, друзья, пойдемъ,
За отечество помремъ.
Злобно пусть враги ярятся;
За стѣнами защищаться
Не трепещетъ Русска грудь;
Намъ на стѣны веселъ путь.
Пусть измѣнники бунтуютъ,
Скиптры хищникамъ даруютъ:
Вѣрны мы своимъ Царямъ,
Кровь свою несемъ имъ въ даръ.
Мы пойдемъ друзья, пойдемъ,
За отечество помремъ!

Трестопные и двустопные Хореическіе стихи пишутся такъ: *женскіе* всегда состоятъ *изъ равнаго числа столъ;* а *въ мужескихъ недостаетъ слога.* на пр.

Трестопные.

— ◡ — ◡ — ◡
Всѣхъ цвѣточковъ болѣ
— ◡ — ◡ —
Розу я любилъ
Ею только въ полѣ
Взоръ мой веселилъ.

Съ каждымъ днемъ милѣе
Мнѣ она была;
Съ каждымъ днемъ алѣе
Все какъ вновь цвѣла.

Но на щастье прочно
Всякъ надежду кань;
Къ розѣ кикъ нарочно
Привилась полынь.
Роза не увяла,
Тотъ же самой цвѣтъ
Но не та ужъ стала,
Ароматовъ нѣтъ.
Хлоя! какъ ужасенъ
Этотъ намъ урокъ!
Сколь увы! опасенъ
Для красы порокъ!

Двустопные.

— ◡ —	
Хоть весной *муж.*	Всѣ игривы,
— ◡ — ◡	
И тепленько, *жен.*	Всѣ шутливы:
— ◡ —	
А зимой *муж.*	Въ долгу ночку
— ◡ — ◡	
Холодненько, *жен.*	Къ огонёчку
Но и въ стужѣ } прочіе всѣ *женскіе.*	Всѣ сберутся
Мнѣ не хуже;	Стары, малы,
Въ зимній холодъ,	Точатъ балы
Всякой молодъ;	И смѣются.

Остается еще упомянуть о тѣхъ Хореическихъ стихахъ, въ которыхъ послѣдняя стопа всегда дактиль. Они

не терпятъ однозвучія. Сіи стихи во времена нашихъ прадѣдовъ были въ великомъ употребленіи. Г. Карамзинъ первый и при томъ весьма удачно сими стихами описавъ намъ *богатыря Илью Муромца*, возбудилъ охоту въ многихъ писать оными. Кажется, ни что не можетъ выражать такъ хорошо простоты нравовъ нашихъ милыхъ поселянокъ и расказъ старыхъ бабокъ, кромѣ сладкогласія сихъ стиховъ. *Бахаріана* Хераскова служитъ сему доказательствомъ. Но приведемъ здѣсь нѣсколько стиховъ изъ послѣдней пѣсни *Оссіана*.

— ◡ — ◡— ◡ — ◡ ◡
Такъ, не долго я останусь здѣсь,
— ◡ — ◡ — ◡ — ◡ ◡
Такъ, не долго буду въ мірѣ семъ
Безъ друзей и въ одиначествѣ! —
Вижу, вижу я то облако,
Тѣнь моя куда сокроется,
Тѣ туманы вижу тонкіе,
Изъ которыхъ мнѣ составится
Одѣяніе прозрачное.
Ночь холодная спускается
На крылахъ съ тѣнями черными,
Волны озера качаются,

Хлещетъ пѣна о кремнистой брегъ;
Дубъ столѣтній и покрытой мхомъ
Надъ источникомъ склоняется,
Стонетъ вѣтеръ межъ его листовъ,
И срывая съ шумомъ сыплетъ ихъ
На мою сѣдую голову.
Скоро, скоро какъ листы сіи
Пожелтѣли и свалилися,
Такъ и я увяну — скроюся!

Изъ Вѣстн. Г. Маршынова.

или

Ахъ, прости земля родимая!
Рѣки, рощи, домъ отеческій!
Съ вами я на вѣкъ распалася,
Не увижу болѣ милыхъ чадъ,
Не увижу я родителей!
Живы ль, живы ль незабвенные? . . .

Но и смерть для васъ есть щастіе,
Смерть пріятнѣе неволи злой!
Ахъ! я скоро, скоро въ бѣдствіяхъ,
Въ градѣ чуждомъ, повелительномъ,
Заключу обѣты брачные
Съ божествами преисподними!

Переводъ Мерзлякова изъ Эврипидовой трагедіи, — *Гекуба*.

О СТИХѢ ДАКТИЛИЧЕСКОМЪ.

Шестистопныхъ и пятистопныхъ Дактилическихъ стиховъ въ нашихъ новѣйшихъ стихотворцахъ не находится; представлять же здѣсь искуственный размѣръ Грековъ, былъ бы трудъ совершенно потерянный. Симъ ни малой заслуги не оказали бы мы Россійскому Парнассу. Греческой размѣръ съ трудомъ можетъ быть приспособленъ къ языку нашему, какъ сіе увидимъ изъ втораго примѣра.

Четырестопные, хотя рѣдко, но употребляются, особливо Г. Державинымъ; большею же частію находимъ мы трестопные и двустопные. Въ прочемъ и сіи стихи не можно назвать чистыми Дактилями. Ибо женской стихъ на концѣ имѣетъ всегда полнаго Хорея, а мужескій, только одинъ стихъ долгой.

Четырестопные.

— ∪∪ — ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪
Знойное лѣто весна увѣнчала
— ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪ ∪ —
Розовымъ алымъ по кудрямъ вѣнцомъ;
— ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪
Липова роща какъ жаръ возблистала
∪ — ∪ ∪ —
Вкругъ меда листовъ.
Желтые грозды сквозь листъ продираясь,
Запахомъ, рдянцомъ Нимфъ сельскихъ ма-
нятъ;
Травы и нивы косой озаряясь,
Какъ волны шумятъ.
Сткляныя рѣки лучемъ полудневнымъ
Жидкому злату подобно текутъ,
Кравы и овцы съ млекомъ накопленнымъ
подъ кущи бѣгутъ.
Сизые враны, орлы быстропарны
Крылья спустивши подъ хвраствомъ сидятъ;
Тучная роскошь въ тѣни сокъ прохладной
пьетъ, ищетъ отрадъ.

Державинъ.

Четырестопные женскіе.

Всѣхъ элементовъ вода превосходнѣй,
Злато богатствъ среди пышныхъ, вельмож-
ныхъ,
Какъ между всѣхъ преизящнѣе блескомъ
Пышущу пламени ночью подобно.
Хочешь ли, муза! побѣды возвысить,

Звѣздъ не ищи свѣтозарнѣе тихихъ,
Солнца полдневна лучей теплотворчыхъ,
Кои пустыню воздушну протекши,
Міръ освѣщаютъ вокругъ; и славнѣйшихъ
Ты не ищи же торжествъ Олимпійскихъ.

Пиндарова Олимпическая первая пѣснь безъ сомнѣнія Державинымъ приспособлена къ Греческому размѣру; хотя она на Русскомъ языкѣ, но прудно понимать оную.

Мужескіе.

— ᴗ ᴗ— ᴗ ᴗ —ᴗ ᴗ—
Естьли проводимъ съ друзьями часы,
— ᴗ ᴗ — ᴗᴗ— ᴗ —
Души душамъ сообщаютъ красы.

Трестопные.

— ᴗᴗ — ᴗᴗ— ᴗ
Весело Россъ проливаетъ
— ᴗ ᴗ— ᴗ ᴗ—
Кровь за законъ и Царя;
Страху въ бою онъ не знаетъ,
Къ нимъ лишь любовью горя.

или

Мы тебя любимъ сердечно;
Будь ты начальникомъ вѣчно!
Наши зажегъ ты сердца,
Мы въ тебѣ видимъ отца. и проч.

Двустопные.

— ∪ ∪— ∪
Тѣни мелькаютъ, } *женскіе*
— ∪ ∪— ∪
Звѣзды сверкаютъ,
Царствуетъ ночь; } *мужескіе*
Сонъ! отъ насъ прочь.

Или одни мужескіе.

— ∪ ∪—
Солнце лучи
Тихо мечи,
Дуй чуть зефиръ;
Сладкой сонъ, миръ,
Здѣсь средь цвѣтовъ
Царствуй любовь.

Дактилическіе стихи и безъ односложія не менѣе бываютъ пріятны, на пр:

Четырестопные.

— ∪ ∪— ∪ — ∪∪— ∪
Гдѣ ты прекрасная! гдѣ обитаешь?
Тамъ ли, гдѣ пѣсни поетъ Филомела,
Кроткая ночи пѣвица,
Сидя на миртовой вѣтви?

Карамзинъ.

*

Трестопные и двустопные.

Осень.

— ∪ ∪ — ∪ — ∪
Вѣютъ осенніе вѣтры;
— ∪ ∪ — ∪
Въ мрачной дубравѣ
Съ шумомъ на землю валятся
Желтые листья.

Поле и садъ опустѣли;
Сѣтуютъ холмы;
Пѣніе въ кущахъ умолкло;
Скрылися птички.

Поздніе гуси станицей
Къ югу стремятся,
Плавнымъ полетомъ несяся
Въ горнихъ предѣлахъ.

Вѣютъ сѣдые туманы
Въ тихой долинѣ;
Съ дымомъ въ деревнѣ мѣшаясь,
Къ небу восходятъ.

Странникъ, стоящій на холмѣ,
Взоромъ унылымъ
Смотритъ на блѣдную осень,
Томно вздыхая.

Странникъ печальный, утѣшься!
Вянетъ природа
Только на малое время;
Все оживится,

Все обновится весною,'
Съ гордой улыбкой
Снова природа востянетъ
Въ брачной одеждѣ.

Смертный, ахъ! вянетъ на вѣки!
Старецъ весною
Чувствуетъ хладную зиму
Ветхія жизни.

О СТИХѢ ДАКТИЛОХОРЕИЧЕСКОМЪ И АНАПЕСТОЯМБИЧЕСКОМЪ.

Изъ соединенія Дактиля съ Хореями дѣлается стихъ Дактилохореическій. Шестистопные и пятистопные стихи сего рода теперь со всѣмъ неупотребительны. Ими писана *Телемахида* Тредьяковскаго. Въ шестистопныхъ Дактилохореическихъ стихахъ пересѣченія не бываетъ. Въ первыхъ четырехъ стопахъ стихотворецъ по произволенію можетъ поставить всѣ Хореи, или перемѣшивать ихъ, смотря по предметамъ и картинамъ, имъ описываемымъ, т: е: естьли чувства требуютъ болѣе стремительности, то должно

употреблять Дактиль; если-ли менѣе, Хорей. Что жъ касается до двухъ послѣднихъ стопъ, то въ послѣдней всегда долженъ быть *Хорей*, равно какъ и въ предпослѣдней всегда *Дактиль*. Но здѣсь не должно повторять того, что мы замѣтили выше, т. е. что сей размѣръ несвойственъ языку нашему: слѣдовательно нѣтъ надобности вводить его въ духъ Россійской просодіи. Таковымъ введеніемъ можно испортить вышшую, на существѣ языка нашего основанную красоту. Напротивъ того четырестопные Дактилохореическіе стихи очень часто употребляются; они весьма разительны и пріятны для уха. Хорей въ нихъ бываетъ или въ началѣ, или въ срединѣ, или при концѣ. на пр:

— ᴗ ᴗ— ᴗ— ᴗ ᴗ— ᴗ
Таетъ зима дыханьемъ Фавона
Взгляда бѣжитъ прекрасной весны,
Мчится Нева ко Бельту на лоно;
Съ брега суда спущены.
Царствуетъ, вижу, всюду развратъ,
Къ правдѣ сокрыты путь и дорога.

Глупые, злые въ сердцѣ ихъ мнятъ:
Гдѣ добродѣтель? вѣрно нѣтъ Бога;
Случай, все случай творитъ.

Державинъ.

Или также четырестопные.

— ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪ — ∪
Бардъ безъимянный! тебя ль не узнаю?
Орлій издавна знакомъ мнѣ полетъ
Я не въ отчизнѣ, въ Москвѣ обитаю,
∪ — ∪ ∪ —
Въ жилищѣ суетъ.

Дмитріевъ Державину.

Трестопные.

— ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪ ∪
О домовитая ласточка!
— ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪
О милосизая пташка!
Грудь краснобѣла косаточка,
Лѣтняя гостья пѣвичка!

Здѣсь слѣдуютъ *Анапестоямбическіе.*

∪ — ∪ ∪ — ∪ ∪ — —
Ты часто по кровлямъ щебещешь,
∪ — ∪ ∪ — ∪ ∪ —
Надъ гнѣздышкомъ сидя поешь,
Крылышками движешь, трепещешь,
Колокольчикомъ въ горлышкѣ бьешь,
Ты часто по воздуху вьешся,
Въ немъ смѣлые круги даешь;
Иль стелешься долу, несешься,
Иль въ небѣ простряся плывешь.

Ты часто во зеркалѣ водномъ
Подъ рдяной играешь зарей,
На зыбкомъ лазурѣ бездонномъ
Тѣнью мелькаешь твоей.
Ты часто какъ молнія рѣешь
Мгновенно туды и сюды;
Сама за собой не успѣешь
Невидимы видѣть слѣды:
Но видишь тамъ всю ты вселенну
Какъ будто съ высотъ на коврѣ;
Тамъ башню, какъ жаръ позлащенну,
Въ чешуйчатомъ флотѣ тамъ сребрѣ;
Тамъ рощи въ одеждѣ зеленой,
Тамъ нивы въ вѣнцѣ золотомъ,
Тамъ холмъ, синій лѣсъ отдаленной,
Тамъ мошки толкутся столпомъ;
Тамъ гнутся съ утеса въ понтъ воды,
Тамъ *ластятся* струи къ брегамъ. и проч.

Трестопные.

— ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪
Россъ добродѣтель и славу
Чтитъ лишь наградой своей,
Трудъ и походы въ забаву;
Ищетъ побѣдъ, иль смерпей.
Знайте, языки страшна колосса;
Съ нами Богъ съ нами; чтите всѣ Росса! . .

Изъ соединенія Анапеста и Ямба, такъ какъ видѣли уже выше, дѣлаются стихи Анапестоямбическіе. Шести-

стопные, пятистопные, даже четыре-стопные и трестопные стихи сего рода весьма мало употребляются. Послѣдніе находятся въ нѣкоторыхъ нашихъ простонародныхъ пѣсняхъ. Двустопные же съ пріятностію могутъ быть употребляемы въ языкѣ нашемъ. на пр.

КЪ ЛИЛѢ.

˘ — ˘ ˘ — ˘
Ты плачешь, лилета?
˘ — ˘ ˘ —
Ахъ плакалъ и я;
Смѣялась ты прежде,
Я нынѣ смѣюсь;
Мы оба другъ другу
Не должны ни чѣмъ.
Есть очередь въ свѣтѣ,
Есть время всему;
Улыбка съ слезою
Въ сосѣдствѣ живутъ.
Ты прежде алѣла
Какъ роза весной;
Зефиры плѣнялись
Твоей красотой. и проч.

или.

Побѣда! Побѣда! | Живи, о Персей!
Жива Андромеда. | Вѣкъ славой твоей.

Державинъ.

или.

Познайте, познайте
Нашъ жаръ и любовь.
Вѣнчайте, вѣнчайте
Всѣхъ лаврами вновь!

Доселѣ говорили мы только о ровныхъ стихахъ; но у насъ множество находится стихотворческихъ сочиненій (какъ сіе уже и выше замѣчено) писанныхъ неровными стихами; на пр: въ *Душинькѣ* Богдановича, въ *Пилигримахъ* Хераскова, въ *Баснях* Хемницера, Дмитріева, Крылова, въ *Сказкахъ* и многихъ Лирическихъ сочиненіяхъ, не въ каждомъ стихѣ наблюдается одинаковое число стопъ. на пр.

УТРО.

Огнистый Сиріусъ сверкающія стрѣлы
Металъ еще съ небесъ въ подлунные предѣлы.
Лежали на холмахъ вкругъ нощь и тишина,
Вселенная была безмолвія полна;
А только вѣтровъ свистъ, лѣсовъ листы шептали,
Шумъ бьющихъ въ камни волнъ, со скалъ потоковъ ревъ,
И изрѣдка вдали рычащій левъ,
Молчанье прерывали.

Клеантъ проснувшійся въ пещерѣ, всталъ
И свѣта дожидался.
Но говоръ птицъ едва по малу слышенъ сталъ,
Гулъ по брегамъ раздался,
Какъ вскликнулъ соловей;
Туманна свѣта сѣнь по небу распростерлась,
Сокрылся Сиріусъ за ней,
И нощь бѣгущая чуть зрѣлась.
Мудрецъ взошелъ на вышній холмъ,
И тамъ сѣдымъ склонясь челомъ,
Возсѣлъ на мшистый пень подъ дубомъ многолѣтнымъ,
И внизъ изъ подъ вѣтвей пустилъ свой взоръ
На море, на лѣса, на сини цѣпи горъ,
Й зрѣлъ съ восторгомъ благолѣпнымъ
Отъ сна на востающій міръ.
Какое зрѣлище! какой прекрасный пиръ
Открылся всей ему природы. и проч.

Какое рѣдкое, безподобное стихотвореніе! Что за геній Державина! Подражая картинамъ природы, онъ превзошелъ, побѣдилъ природу. Намъ сѣвернымъ жителямъ надобно безпрестанно читать сіе наилучшее *Утро*. Еспьли мы не можемъ видѣть дѣйствительно красотъ природы; то читая сіе изящнѣйшее твореніе, можемъ возноситься

воображеніемъ и сердцемъ къ идеальной красотѣ ея и въ избыткѣ сердца восклицать: *Прекрасно! Прекрасно!*

О РИѲМѢ.

Нынѣшніе стихотворцы подъ *Риѳмою* разумѣютъ *однозвучное въ стихахъ окончаніе*. Какъ: *хромъ, громъ*; *очами, лучами*. Но древніе о сей Риѳмѣ не имѣли ни какого понятія. Они подъ словомъ *Риѳмъ* (Ρυθμὸς) разумѣли *хорошее* словоударѐніе и размѣръ слоговъ. — Хорошее словоударѐніе и размѣръ существенно принадлежатъ стихотворному искусству. Вся сила его (какъ мы уже изъ высшихъ примѣровъ видѣли) зависитъ отъ словъ и хорошо выбранныхъ стопъ. Какъ для прекрасно образованнаго тѣла, необходима прекрасная соразмѣрность; такъ хорошее словоударѐніе, необходимо для изящнаго стихотворенія. По сему-то смѣшавъ древнее значеніе съ новымъ, многіе изъ стихотворцевъ, а особливо Французскихъ,

думали, что Риѳма для стиховъ необходима. Да нѣкоторые и теперь еще утверждаютъ оное и благодарятъ невѣденіе и варварской вѣкъ за сіе щастливое изобрѣтеніе. Для той Поэзіи, можетъ быть, что она необходима, въ коей отщитываютъ только слоги *) и не имѣютъ ни стопъ, ни постояннаго словоударенія. При недостаткахъ истинныхъ красотъ Поэзіи, и ложную красоту, пустой звонъ, можно почесть за красоты существенныя. Безъ сомнѣнія, наше ухо, приученное къ Риѳмѣ, не находя ее тамъ, гдѣ оно привыкло находить оную, чувствуетъ — въ началѣ какое-то неудовольствіе. Но слухъ

*) Прежде Ломоносова и наши стихотворцы отсчитывали только слоги; они 13 и 9 сложныя строки оканчивали однозвучіемъ: вотъ и все ихъ было стихотворство. Отнимите конечной звукъ, останется проза. И такъ всѣмъ почти удовольствіемъ, которое мы находимъ при чтеніи нынѣшнихъ нашихъ стихотворцевъ, одолжены мы Ломоносову.

Грека, приученный къ гармоническимъ гекзаметрамъ, потерялъ бы большую часть удовольствія, читая даже самые лучшіе стихи съ Риѳмами. Риѳма показалась бы ему неумѣстною, принужденною красотою, или дѣтскою побрякушкою. Въ самомъ дѣлѣ стихотворенія одною своею размѣренною формою довольно уже показываютъ искуства; но будучи украшены еще *Риѳмою*, показываютъ его еще болѣе. Но изящное искуство тогда бываетъ хорошо, когда оно кажется естественно. Защитники Риѳмы безъ сомнѣнія здѣсь сошлются на употребленіе оной превосходными творцами сего искуства. Но сіе всеобщее употребленіе доказываетъ, что въ принятіи оной болѣе слѣдовано модѣ, нежели вкусу, или природѣ и разуму, кои суть непремѣнныя условія всѣхъ изящныхъ искуствъ.

Чтобъ дать болѣе вѣроятія сказанному нами, приведемъ нѣсколько сти-

ховъ писанныхъ безъ Риѳмъ (кои, не знаю по чему, многіе называютъ *бѣлыми*). Вотъ:

ГИМНЪ НЕПОСТИЖИМОМУ.

Первоначальная Вина!
Къ Тебѣ я духомъ возвышаюсь!
Источникъ вѣчный жизни, свѣта!
Предъ кѣмъ парящій разумъ мой
Единo только изумленье,
А чувства сердца моего
Едина только благодарность.
Непостижимый! кто дерзнетъ,
Во прахѣ смертности живущій
Твое величіе обнять? . .
Но ты, отецъ нашъ! ты позволилъ
Дивиться благости своей!

Когда я въ сладкомъ восхищеньи
Дерзаю мыслить о тебѣ,
Я самъ кажусь непостижимымъ;
Ты въ тайнѣ сердца моего
Скрылъ сущности твоей всѣ тайны,
И невмѣщаемый въ мірахъ
Вмѣстилъ себя для слабыхъ смертныхъ
Въ небесномъ чувствіи добра,
Въ надеждѣ сладостной безсмертья.
Природа — твой гіероглифъ!
Такъ, каждый свѣта лучъ приноситъ
Благословенье намъ Твое! —

Изъ сихъ стиховъ видно, что однозвучіе (Риѳма) ничего не значитъ въ сравненіи со впечатлѣніемъ, происходящимъ отъ согласнаго расположенія стопъ и слоговъ. Нашъ языкъ столько же способенъ къ хорошему стопосложенію, столько же благозвученъ, какъ Греческой; а по сему особенное стараніе о Риѳмахъ и конечныхъ тонахъ, такъ какъ и въ Греческомъ, почти не нужно. Самъ языкъ за насъ стихотворствуетъ. *Таврида* Боброва и нѣкоторыя высокія и разительныя *Оды* Державина и Дмитріева, писанныя безъ Риѳмъ, доказываютъ, что Риѳма только связываетъ сильное и разгоряченное воображеніе, оковываетъ слухъ, и что она не только что не составляетъ красоты, но еще препятствуетъ возникать многимъ другимъ высочайшимъ красотамъ... Но помиримся съ Риѳмою. Не всѣ могутъ стихотворствовать такъ, какъ Гомеръ, Виргилій, Горацій, Ломоносовъ, Державинъ; для начинающихъ, и людей съ по-

средственнымъ дарованіемъ, Риѳма имѣетъ то достоинство, что они пріискивая оную, могутъ избрать лучшія слова; измѣряя стопы, лучше могутъ измѣрить свои мысли. Они подъ защитою Риѳмы не столь строгому подвергаются суду; за одинъ пріятной звукъ прощаютъ имъ многія другія небрежности. — Когда же они сложатъ съ себя сіи оковы, тогда не будутъ щадить ихъ. Виргилій, Горацій и другіе древніе стихотворцы, очаровывающіе насъ согласіемъ стиховъ своихъ, конечно должны уступить первенство многимъ новѣйшимъ поэтамъ: ибо они преодолѣли тѣ трудности, кои для нихъ были не преодолимы. Ломоносовъ, Державинъ, Херасковъ, Княжнинъ, Дмитріевъ, Озеровъ и многіе другіе стихотворцы, при тысячѣ встрѣчающихся трудностей, не были ни одного разу рабами Риѳмы. Они возторжествовали надъ нею, и возвысили свои творенія до самой вышшей степени достоинства.

И такъ мы видимъ, что Риѳма имѣетъ другую цѣну, со всѣмъ не зависящую отъ звука. Трудности, щастливо побѣжденныя составляютъ красоту Риѳмы. И такъ *богатая*, или совершенная Риѳма имѣетъ свое Эстетическое достоинство въ противоположности съ *бѣдною*, или несовершенною. Нашъ языкъ богатъ Риѳмами; онъ имѣетъ не только однозвучіе въ конечныхъ слогахъ, но почти въ цѣлыхъ словахъ. на пр.

Блаженъ, кто самъ собой *доволенъ*
Обиленъ, здравъ, покоенъ, *воленъ*.

или

Завѣса поднялась! . . сіяетъ предъ *очами*,
Герои, свѣтлыми увѣнчанны *лучами*.

или.

Ты, ты священна добро*дѣтель*
Моей невинности сви*дѣтель*!

или.

Я здѣсь вонзаю въ землю *плугъ*,
Завѣтъ Адамовъ исполняя;
Или кошу зеленой *лугъ*,
Лошадкамъ корму добывая.
Вокругъ меня косцы поютъ
И всякъ убравъ свою *дѣлянку*,
Тащитъ свой хлѣбъ, тащитъ и *склянку*,
На лугъ садятся всѣ и пьютъ.

О! вѣрно, вѣрно ни *одинъ*,
Въ Москвѣ живущій *на досугѣ*,
Роскошный, знатной *господинъ*
Ни въ день родинъ своей *супруги*,
Такъ сладко въ горлышко *нельзѣ*
Бокалъ напитка выписнова,
Какъ здѣсь крючокъ вина простова
Крестьянинъ мой вспотѣвши *лѣтъ*.

Надобно замѣтить, что для Риѳмы могутъ служить только тѣ слова, въ которыхъ удареніе стоитъ или на послѣднемъ, или на предпослѣднемъ слогѣ. По сему такія слова: *не забвенные, зданіе, благодѣтелствующій*, не могутъ быть поставлены въ Риѳму. Риѳма, въ которой стоитъ удареніе на послѣднемъ слогѣ, называется *мужескаго*, въ которой же на предпослѣднемъ, *женскаго*. на пр:

Когда то правда, человѣкъ! } *муж. р.*
Что цѣпь печалей весь твой вѣкъ: }

На что жъ намъ вѣкомъ долгимъ льститься } *жен. р.*
На то ль, чтобъ плакать и крушиться, }

И мѣря жизнь свою тоской, } *муж. р.*
Не знать отрады ни какой? }

— — — — — —
Младенецъ лишь родится въ свѣтъ
Увы! увы! онъ вопіетъ,
Ужъ чувствуетъ свое онъ горе,
Низверженъ въ треволненно море
Волной несется чрезъ волну,
Песчинка въ вѣчну глубину.

Когда мужескія Риѳмы ставятся попеременно съ женскими, то таковое искуственное перемѣшиваніе называется *сочетаніемъ стиховъ*. Сіе перемѣшиваніе бываетъ произвольно; иногда кладется за женскимъ стихъ мужескій, иногда сряду два мужескіе и сряду два женскіе. Иногда на передп мужескій, тутъ два женскіе, а потомъ опять мужескій — и на оборотъ. Нѣсколько же Риѳмъ одного рода рядомъ и особливо въ трагедіяхъ и лирическихъ стихотвореніяхъ, раздѣленныхъ на *куплеты*, *стансы*, или *строфы*, ставить не должно. Въ такихъ сочиненіяхъ по большой части бываетъ сочетаніе, какъ сіе можно видѣть въ приведенныхъ примѣрахъ. Въ десятистопныхъ одахъ почти всегда сочетаніе бываетъ одинаковое, а имянно:

1-й стихъ бываетъ женской, 2-й мужеской, 3-й женской, 4-й мужеской, 5-й и 6-й женскія, 7-й мужес. 8-й и 9-й женс. и 10-й мужеской, соотвѣтствующій Риѳмою стиху седьмому; *) какъ сіе видно будетъ изъ слѣдующей оды, писанной на новый годъ къ N. . .

Сѣдыми умащенъ власами,
Покровомъ тлѣнія одѣтъ,
Двумя подпершись костылями,
Годъ старый медленно идетъ.
Се! ноги дряхлы, утомленны
Въ пути колючьемъ изъязвленны
Придвинулъ къ вѣчности, — ступилъ
И въ оную стремглавъ свалился;
Вздохнулъ — и какъ мечта сокрылся
Въ томъ хаосѣ, гдѣ прежде былъ.

Таинственнымъ обвившись флеромъ
Съ закрытой урною въ рукахъ,
Съ привѣтливымъ, веселымъ взоромъ,
На тонкихъ, свѣтлыхъ облакахъ
Шумя пушистыми крылами,
Сопровождаемый судьбами,
Годъ новый къ намъ съ небесъ паритъ.
Смотрите! онъ остановился,
Свернувъ крылѣ, въ сей міръ спустился,
И въ немъ невидимо стоитъ.

*) Въ одной одѣ сему правилу не послѣдовалъ Ломоносовъ. Смотр. оду 1-ю: восторгъ внезапный умъ плѣнилъ и проч.

Кто вѣсть изъ сокровенной урны
Онъ жребій вынетъ намъ какой?
Добро, иль *зло* на шаръ подлунный
Разсыплетъ мощною рукой?
Кто вѣсть, что рокъ въ семъ новомъ годѣ
Велитъ быть вёдру иль погодѣ,
Взгремитъ ли громъ, иль свѣтъ блеснетъ;
Быть можетъ, солнце потушится,
Сей міръ въ могилу превратится
Быть можетъ, вѣчность все пожретъ!
и проч.

Въ прочихъ же мѣлочныхъ сочиненіяхъ сочетаніе сіе зависитъ отъ воли стихотворца. Но въ поэмахъ, трагедіяхъ и комедіяхъ, писанныхъ стихами, обыкновенно Риѳмы располагаются попарно: т. е. когда въ началѣ положатъ двѣ женскія Риѳмы, то за ними слѣдуютъ двѣ мужескія, по томъ опять двѣ женскія, тутъ опять двѣ мужескія, и такъ продолжаютъ въ поэмѣ — до конца пѣсни, а въ трагедіи и комедіи — до конца дѣйствія. Хотя сіи Риѳмы въ такомъ одинаковомъ порядкѣ производятъ скучное единообразіе: однако безъ таковаго перемѣшиванія стихи были бы

еще единообразнѣе, когда бы во всей трагедіи или поэмѣ ставили всегда однѣ женскія, или однѣ мужескія Риѳмы; а еще и того хуже, естьли бы стали мѣшать ихъ безъ порядка. Стихи сдѣлались бы весьма непріятны. Но сего о Риѳмѣ здѣсь довольно.

О СТРОФѢ.

Совокупленіе нѣсколькихъ стиховъ, совершенной и отдѣльной смыслъ содержащихъ называется *строфою*. Число стиховъ, составляющихъ строфы бываетъ не одинаково. Вотъ примѣры строфъ, имѣющихъ различные роды *столбъ*, различное *сочетаніе* и *число стиховъ*:

СТРОФЫ.

1-е. *Трестишныя.*

Маленькой кроликъ въ травкѣ зеленой
Съ милой подружкой тамъ отдыхаетъ;
Голубь на вѣточкѣ спитъ.

2-е. *Четырестишныс.*

Благослови душе моя
Всесильнаго Творца и Бога;
Коль Онъ великъ! коль мудрость многа
Въ твореньяхъ, Господи! Твоя!

Сними съ себя завѣсу,
Сѣдая старина!
Да возвѣщу я внукамъ,
Что ты откроешь мнѣ.

Дмитріевъ.

Живи разсудка подъ закономъ,
Богатыхъ не ревнуй судьбѣ:
Къ богатымъ придутъ всѣ съ поклономъ,
А съ сердцемъ бросятся къ тебѣ.

Юность! юность веселися
Веселись, пока цвѣтешь;
Пой, пляши, всегда рѣзвися!
Ахъ! и ты какъ тѣнь пройдешь.

Блаженъ тотъ, кто себя вручаетъ
Всевышнему во всѣхъ дѣлахъ,
И токмо въ помощь призываетъ
Живущаго на небесахъ.

Самъ Богъ тебѣ велитъ пріятнымъ наслаждаться,
Но помнить своего Великаго Творца:
Онъ нѣжный вамъ Отецъ, о! нѣжныя сердца!
Какъ сладостно Ему во всемъ повиноваться!

Не славь высокую породу,
Коль нѣтъ разсудка, ни наукъ;
Какая польза въ томъ народу,
Что ты мужей великихъ внукъ?

Херасковъ.

Когда луна чело подъемлетъ,
Тогда природа въ тишинѣ,
Какъ будто въ утомленьи дремлетъ;
Тогда и я — я, вся во мнѣ.

Къ лунѣ взоръ смѣло простираю:
Она какъ солнце, не слѣпитъ;
Живу, люблю и размышляю,
Ни что меня не суетитъ.

Сложивъ неволи всякой бремя,
Полна я мыслію моей,
И ни въ какое такъ я время
Души не чувствую своей. и проч.

Долгорукова Споръ.

3-е. *Пятистишныe.*

Я милость воспою и судъ,
И возглашу хвалу я Богу;
Законы, поученье, трудъ,
Премудрость, добродѣтель строгу
И непорочность возлюблю.

О моря и вѣтры грозные!
Вѣтры, спутники нещастливыхъ
Ахъ! куда, куда несете вы,
Горды храмы мореходные
По долинамъ свѣтлой влажности?

Бысть Петръ, — и юный вѣкъ въ зарницѣ
Изъ бездны вѣчности летитъ;
Звучитъ ось пылка въ колесницѣ,
И гордый вѣкъ Петромъ гремитъ;
Вселенна зритъ — не доумѣетъ.

Бобровъ.

Я, онъ, — сіи слова отъ вѣка
Не съ единялись никогда;
И сыщутсяль два человѣка
Живущихъ въ дружествѣ всегда,
Между толикихъ милліоновъ?

Не всякъ ли друга повстрѣчавши
Въ немъ ищешъ только *своего*?
Не всякъ ли мыслитъ руку жавши:
„Мнѣ *все*, другому *ничего*.“
Таковъ сей свѣтъ — въ немъ все продажно!

Хотъ я не опытенъ, но вижу
Какъ всякъ радѣетъ въ свой карманъ,
Слова, *люблю* и *ненавижу*,
Есть сущій у людей обманъ;
А *дружба* лишь одна химера. и проч.

Какъ милъ всѣмъ природы радостный образъ!
Какъ тварей довольныхъ сладостенъ возгласъ!
Гдѣ осень обилье рукою ведетъ,
Царямъ и червямъ всѣмъ пищу даетъ,
общій Отецъ.

— — — — — — — — —

Такъ! благъ всѣхъ зиждитель, я слышу
гласъ рекъ.
Невѣжда продерзкій лишь ты человѣкъ,
Не видишь, не знаешь ты пользы своей,
Самъ часто своихъ ты ищешь сѣтей.
Хранитъ только Богъ.

4-е. *Шестистишныя.*

Прямый герой страстьми недвижимъ,
Онъ строгъ къ себѣ и благъ ко ближнимъ,
Къ богатствамъ, титламъ, власти, славѣ,
Внутри онъ сердца не приверженъ,
Сокровище его любезно
Спокойный духъ и чиста совѣсть.

Россія радостный токъ слезъ пролей,
Пролей — и возведи вкругъ взоры
И виждь въ трофеяхъ у тебя,
Какъ садъ Екатерины племя
Цвѣтетъ! да поднебесной всей
Онъ даетъ Царицъ, Царей.

Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ:
Такъ я въ сей безднѣ (звѣздъ) углубленъ
Теряюсь мысльми утомленъ.

Ломоносовъ.

Частая сѣча меча
Сильна, могуща плеча,

Стали о плиты стуча,
Ночью блеща какъ свѣча,
Эхо за эхами мча,
Гулы сугубитъ звуча.

Что? что за дерево въ глазахъ моихъ мелькаетъ?
Какую скорбь душѣ моей предвозвѣщаетъ?
Такъ! . . Это ты стоишь унылый кипарисъ!
Твой это мрачный цвѣтъ на гробъ безмолвный свисъ!
Но, ахъ! неслышишь ты, какъ дружба здѣсь рыдаетъ!
Шумишь! — и шумъ твой грусть лишь больше умножаетъ!

Но вотъ не долго намъ осталось здѣсь томиться,
Изсохнемъ такъ какъ цвѣтъ, престанетъ сердце биться!
Ужель на вѣкъ? . . когда бездушный слабый цвѣтъ,
Померкнетъ и весной пріемлетъ прежній свѣтъ;
То, Боже! мы ужель? ужель на вѣкъ увянемъ?
Нѣтъ! разцвѣтемъ опять и жить въ блаженствѣ станемъ!

Разговоръ съ цвѣт. смотри
въ Лицеѣ Г. Мартынова.

или.

Непостижимое разсудку Существо,
Душа вселенныя, свѣтъ, сила, Божество!

Не видимъ будучи, Ты вѣченъ, непремѣненъ!
Мы прахъ, мы тьма, мы тлѣнъ; а Ты единъ
неплѣненъ.
Что Ты? и гдѣ Ты есь, вселенныя Творецъ?
Ты все, Ты всѣхъ существъ начало и конецъ.

Херасковъ.

Взглянь, Апеллесъ! взглянь въ небеса!
Въ сумрачномъ облакѣ тамъ,
Видишь какая изъ лентъ полоса;
Огненна тканъ блещетъ очамъ,
Склонясь надъ твоею главою.

Дугою. Державинъ.

Коль щастливъ, кто въ жизни
Всѣ возрасты вѣлъ,
Страшась укоризны
Внутрь совѣсти золъ!
На западъ свой ясный
Онъ весело зритъ.

Скажи, скажи о семъ Героѣ:
Каковъ въ войнѣ, каковъ въ покоѣ,
Каковъ умомъ, каковъ душой,
Каковъ и всякими дѣлами?
Скажи и ничего не скрой:
Нехочешь прозой, такъ стихами.

Держ. Рѣшемыслу.

5-е. *Семистишныя.*

Тамъ видимъ троны сокрушенны
И падшихъ съ нихъ земныхъ Боговъ,

На ихъ развалинахъ рожденны
Не разцвѣтутъ ли царства вновь?
Мы ведро зримъ по непогодѣ.
Блиставшій на своемъ восходѣ
Не тмится ль часто въ полдень Фебъ?

6-е. *Строфы осмистишныя.*

Гимнъ Богу.

О ты всесый, многоимянный,
Но тотъ же и вездѣ единъ!
Премудрый, вѣчный, несозданный,
Благій Творецъ и властелинъ!
Что солнце подъ собою трономъ,
Въ подножье звѣзды положилъ,
Единымъ правишь все закономъ
Своихъ неизмѣримыхъ силъ!

— — — — — — —

Перунъ посолъ твоихъ законовъ,
Въ твоей всесильной длани спитъ,
Взгорясь безмѣрной жизнью громовъ,
Страшитъ всю тварь, трясетъ, мертвитъ;
Но ты жъ духъ жизни посылаешь,
И всѣ онъ существа живитъ;
Все имъ содержишь, оживляешь;
Твоя же власть природы щитъ.

Борей на осень хмуритъ брови
И зиму съ сѣвера зоветъ;
Идетъ сѣдая чародѣйка,
Косматымъ машетъ рукавомъ;
И снѣгъ, и мразъ, и иней сыплетъ,

И воды превращаетъ въ льды;
Отъ хладнаго ея дыханья
Природы взоръ оцѣпенѣлъ.

Ты можешъ ли Левіафана
На удѣ вытянуть на брегъ?
Въ срединѣ самой Океана
Онъ быстрый простираетъ бѣгъ;
Свѣтящимися чешуями
Покрытъ какъ мѣдными щитами,
Копье и мечъ и молотъ твой
Щитаетъ за тростникъ гнилой!

Живите люди какъ хотите,
Играя всякъ своей мечтой,
И въ шумѣ радостей ищите;
Доволенъ я моей судьбой!
Когда я сидя у огня,
Раидой душу восхищаю,
Всѣ балы въ свѣтѣ забываю,
И кто щастливѣе меня?

Долгоруковъ.

или.

Какъ ни умничай кто въ свѣтѣ,
Невозможно не любить;
Что ни ставь въ своемъ предмѣтѣ,
Нѣтъ! нельзя безъ милыхъ жить.
Жизнь безъ нихъ есть бремя злое,
День отъ дня все намъ тошнѣй;
Съ милыми — со всѣмъ иное
Солнце свѣтитъ веселѣй.

Все со временемъ проходитъ;
Заблужденьямъ есть конецъ.
Тотъ во тьмѣ свой вѣкъ проводитъ,
Кто лишь славы чтитъ вѣнецъ.
Себѣ и сердцу измѣняя,
Мечту лобзаетъ каждый часъ;
Но ахъ! все вздоръ; любовь прямая
Одна сильна щастливить насъ.

Пусть буду я судьбою
Гонимъ всегда вездѣ!
Пусть въ злобѣ мнѣ покою
Мой рокъ не дастъ нигдѣ!
Но ежели Глафира
Одинъ мнѣ кинетъ взглядъ,
Я всѣ напасти міра
Сноситъ охотно радъ.

Долгорукой.

Громовая спрѣла,
Лучь молньи быстропарной,
Подобіе орла,
О! духъ Россіи бранной!
Простряся быстрыми крылами
Средь мразовъ, бурь, между снѣгами,
Лети предъ строемъ АЛЕКСАНДРА,
Лети и грянь на Саламандра.

Ликуй холодный *себялюбецъ*!
Твой праздникъ и пора теперь;
Лежи въ диванѣ сластолюбецъ
Одинъ какъ, въ дебри дикой звѣрь,

Тебя ни кто, ни кто, не любитъ;
Хотя ты знатенъ и великъ;
Твои дѣла не слава трубитъ,
Но купленой бродягъ языкъ.

Когда желѣзной прутъ судьбины,
Который школитъ смертныхъ всѣхъ,
Пробьетъ на лбу твоемъ морщины,
Тогда болѣзнь уйметъ твой смѣхъ;
Вздохнешь ума забывъ игрушки,
Ни кто не повторитъ твой вздохъ,
Обнявъ парчёвыя подушки
Тошнѣй меня ты скажешь: — охъ!

— — — — — —

Мои не трогаются чувства,
Когда я Крезовъ свѣтскихъ зрю;
Стяжать мнѣ не дано искуства;
За то Творца благодарю;
А естьли бъ далъ богатства много,
Когда бъ возвысилъ Онъ мой рогъ:
Сошедъ убожества съ порога
Я можетъ быть забылъ, гдѣ Богъ.

Долгорукой.

Любовь гражданъ и слава намъ
Лишь воздвигаютъ прочны домы;
Они подобно небесамъ,
Стоятъ и презираютъ громы.
Зри, хижина Петра до днесь,
Какъ храмъ нетлѣнна средь столицы!
Святъ домъ, подъ кой народъ гробницы
Матвѣеву принесъ!

Алое облако сходитъ
Свѣтъ озаряюще весь,
Оку и слуху низводитъ
Блески и звуки небесъ.
Что за видѣнье?
Чувствъ упоенье
Душу влечетъ!
Новой ли идетъ на землю по годъ?

7-е. *Девятистишныя.*

Почто меня отъ Апполлона,
Меркурій! ты ведешь съ собой:
Средь пышнаго торговли трона
Мнѣ кажешь ворохъ золотой?
Сбирать, завидовать изъ млада
Я не привыкъ и не хочу.
Богатстволь старику награда?
Давно съ презрѣньемъ я топчу
Его всю прелесть равнодушно.

Къ отчему лону
Къ Матери нѣжной,
Къ Братьямъ, Сестрамъ,
Къ скипетру, трону,
Къ Бабкѣ любезной,
Къ вѣрнымъ рабамъ,
Милый младенецъ! (Ольга)
Ты ужъ съ улыбкой
Рукъ не прострешь.

8-е. *Десятистишныя.*

Увы! легко случиться можетъ,
Поставятъ и тебя льстецомъ;
Кого днесь тайно злоба гложетъ,
Тотъ будетъ завтра въявь врагомъ;
Трясутъ и троны люди злые:
То можетъ быть и твой кумиръ
Черезъ рѣшетки золотыя
Слетитъ и разсмѣшитъ весь міръ,
Стуча съ крыльца ступень съ ступени,
И скатится въ древесны тѣни!

Держ: *Истуканъ.*

Вострепенись Орелъ полночный,
Завидя близь гнѣзда змѣю!
Схвати эхидну въ кохти мочны,
Карай враждебницу твою!
Спасай птенцовъ неоперенныхъ!
Не допусти тобой рожденныхъ
Коварной тварн жертвой быть;
Исполненъ къ намъ святой любовью
Омойся собственною кровью
Радѣя Гидру истребить!

— — — — — — — — — —

Соединимъ съ сердцами души!
Покроемъ флотами моря!
Явимся на пространствѣ суши,
Внявъ гласу *чести* и *Царя*!
Отечеству ль не порадѣемъ?
Ахъ нѣтъ! все, все, что лишь имѣемъ,
Ему на жертву принесемъ;
Заложимъ женъ, дѣтей любезныхъ!

Не намъ стенать въ цѣпяхъ желѣзныхъ,
Мы побѣдимъ, иль всѣ падемъ. . .

9-е. *Двенадцатистишныя.*

По щетамъ прежде знали,
Что десять и что ноль;
Піявицъ унимали,
На нихъ посыпавъ соль;
Въ день ясный не сердились;
Зря на небѣ пятно,
Съ ладьи лишь торопились
Снять вздуто полотно;
Кубарить не любили
Дѣлъ со дня на другой;
Что можно въ мигъ творили,
Оставя свой покой.

О! коль возлюбленно селенье
Твое мнѣ, Боже, Боже силъ!
Душа въ восторгѣ, въ умиленьѣ,
На пламенномъ пареньи крылъ
Къ тебѣ моя летитъ, стремится,
И жаждетъ твой узрѣть чертогъ:
А плоть и сердце веселится,
Что царствуетъ мой въ небѣ Богъ!
Какъ голубь храмину находитъ,
И ласточка гнѣздо себѣ,
И въ немъ дѣтей своихъ выводитъ
Такъ я найду покой въ тебѣ!

Даждь ему Небо!
Злость побѣдить,

Дланями феба
Міръ умиритъ,
Силы вѣсами
Царствы сравнять,
Домъ свой лучами
Славы обнять!
Я Полимнію
Въ ликъ соглашу;
Пѣсньми Россію
Всю освѣщу.

Печальная страна
Вокругъ молчитъ,
Изъ облаковъ луна
Чуть, чуть глядитъ;
Чуть дышутъ вѣтерки;
Чуть слышенъ стонъ
Царевниной тоски,
Сквозь смертной сонъ;
Ни кто ей не дерзаетъ
Защитой быть:
Чудовище зіяетъ,
Идетъ сглотить.

ПЛАТОВУ.

Въ травѣ идешь — съ травою равенъ
Въ лѣсу — и равенъ лѣсъ съ главой;
На конь вскокнешь — конь тихъ, не нравенъ,
Но вихремъ мчится подъ тобой,
По камню ль черну, змѣемъ чернымъ
Ползешь ты въ ночь, и слѣду нѣтъ,

По влагѣль бѣлой, гусемъ бѣлымъ
Плывешь ты въ день — лишь струйка слѣдъ.
Орломъ ли въ мглѣ паришь сгущенной,
Стрѣлу сѣчешь ей въ слѣдъ пущенной
И брося петли округъ шей,
Фазановъ удишь, какъ ершей.

10-е. *Четырнадсятистишныя.*

Уже въ жару ярясь сугубомъ,
Другъ друга жмутъ, кусаютъ, бьютъ (*кони*)
И по распутьямъ мчась въ разстройствѣ,
Какъ бы волшебствомъ обуявъ,
Рвутъ збрую въ злобномъ своевольствѣ
И цѣли своея не знавъ,
Крушатъ подножье, ось, колеса,
Возница падаетъ подъ нихъ;
Безъ управленья, перевѣса,
И колесница въ мигъ,
Какъ лодка бурей устремленна
Безъ кормщика, снастей, средь волнъ,
Разломанна и раздробленна
Въ ровъ мрачной вержется вверьхъ дномъ.

Изъ Колесницы Державина.

Надобно замѣтить, что строфы, состоящія изъ 14 стиховъ, или еще болѣе, иногда несообразны бываютъ съ цѣлію стихотворства. Ибо каждую строфу должно произносить только съ малыми остановками, дабы не прер-

вать связи мыслей, и при томъ нужно сдѣлать всѣ должныя перемѣны голоса, дать почувствовать звуки, возвышенія и пониженія, какихъ требуютъ наши страсти и описываемые предметы; но сего нельзя въ точности выполнить въ многостишныхъ строфахъ. Читать или произносить стихи не такъ легко, какъ кажется; надобно знать различные тоны, приличные каждому роду стихотворенія, должно давать вполнѣ слышать окончанія, раздѣлять слова, слоги; иногда давать чувствовать нѣкоторыя буквы, останавливаться не на Рифмахъ, но точкахъ и вопрошеніяхъ, оттѣнять противоположности, опираться на нѣкоторыя слова, дабы выразить жаръ и показать душу: ибо каждая страсть должна имѣть свои движенія, переливы въ голосѣ, лицѣ. Можно сказать, что языкъ произношенія имѣетъ собственныя ему слова, слоги, буквы, періоды, выраженія, тропы, метафоры, фигуры. Басня, идиллія, поэма, трагедія, комедія, высо-

кая Лирическая ода, не должны быть читаны одинаковымъ тономъ. Въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ должно держаться тона разговорнаго, дружескаго; въ другихъ высокаго, важнаго. На пр: сіи стихи должно не читать, но почти пѣть:

Услышь, услышь, о! ты вселенна!
Побѣду смертныхъ выше силъ;
Внимай Европа удивленна,
Каковъ сей Россовъ подвигъ былъ.
Языки! знайте, вразумляйтесь;
Въ надменныхъ мысляхъ содрогайтесь;
Увѣрьтесь симъ, что съ нами Богъ!
Увѣрьтесь, что Его рукою
Одинъ попретъ васъ Россъ войною,
Коль встать изъ бездны золъ возмогъ!

Но сего довольно, я бы никогда не кончилъ, естьли бы изъ нашихъ стихотворцевъ захотѣлъ приводить всѣ примѣры, исполненные жара, силы, выразительности, словомъ, достойные Поэзіи, кои безъ хорошаго произношенія будутъ казаться холодными картинами. Стихи и всѣ вообще піитическія книги, не что иное суть, какъ безжизненныя и

безкровныя тѣни; одинъ только жаръ читателя можетъ сообщить имъ жизнь; онъ только можетъ разкрыть не подражаемыя черты и истинныя чувствованія творца и существъ, имъ произведенныхъ. Читаетъ ли кто трагедію *Эдипъ*; онъ долженъ представить сего нещастнаго старца отчаяннаго, рыдающаго; онъ долженъ также разгорячаться противу неблагодарныхъ дѣтей; долженъ видѣть раскаивающагося Полинника поверженнаго и трепещущаго у ногъ своего родителя; короче, всегда должно ставить себя на мѣстѣ сочинителя, или тѣхъ лицъ и предметовъ, кои представляются и описываются; но о произношеніи, здѣсь довольно. Симъ заключается *Механизмъ*, или стопосложеніе.

NB. Подъ многими примѣрами не поставлены имена Стихотворцевъ, потому что самые стихи носятъ на себѣ отпечатокъ творцовъ своихъ. Нѣкоторые же примѣры приводилъ я и свои собственные.

ПОГРѢШНОСТИ.

Стр.	Строк.	напечатано	читай:
5.	7.	у стихотворецъ	у стихотворцевъ
13.	14.	Шутъ . .	Шумъ
—	—	къ камни . .	въ камни
—	15.	рыгащій . .	рычащій
14.	19.	на ломной .	на ломкой
17.	16.	Для родостей .	Для радостей
20.	12.	оставлю, . .	оставляю,
22.	23.	БордовЪ . .	Бардовъ
23.	15.	всесильна . .	всесильнаго
25.	6.	примѣтить .	примѣтишь
27.	18.	Омикрова . .	Омирова
28.	10.	озоренье! . .	озаренье!
30.	15.	зе кѣмъ . .	за кѣмъ
31.	24.	сердцъ. . .	сердецъ.
32.	6.	надобныхъ . .	подобныхъ
—	8.	чатая . . .	читая
—	14.	десницы. . .	десницы,
—	16.	не мыслей . .	ни мыслей
45.	2.	кань . . .	кинь
—	3.	кикъ . . .	какъ
49.	13.	подъ кущи . .	Подъ кущи
58.	11.	Химницера . .	Хемницера
66.	14.	сіяетъ . . .	сіяютъ

Lo 811

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Dec. 2006

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS
00014394485